

ИВ ГЭНДОН

НЕ! Никогда не забыть мне поездки в Хиросиму.

Я прожил в Японии месяц и решил на прощание посетить город, который первым испытал ужасы атомной бомбардировки. Я уже видел Токио, побывал в Камакура, Эносиму, Никко, в Осаке и других городах. Где бы я ни был, повсюду я чувствовал очарование этой страны и, расставаясь с привлекательными для меня местами, каждый раз испытывал легкую грусть. Как, например, забыть мне о Киото? Я жил там, как это принято в Японии, в трех очаровательных комнатах с перегородками из бумаги. Мне очень нравился мой садик площадью всего пять метров на три, с его четырьмя маленькими утесами, шестью карликовыми пальмами и крошечным мостиком над рекой, которую изображала узкая песчаная дорожка. Изгородь из бамбука закрывала меня от посторонних взоров. Чувствуя себя превосходно в своем синем кимоно с желтым рисунком, я мирно попивал зеленый чай, стараясь привыкнуть к его необычному вкусу, и пробовал маленькие печенья из рисовой муки, которые мне подавались на лакированном блюде вместе с некоторыми сортами водорослей и фруктовых печений, приготовленных непонятно из каких фруктов. Из соседнего дома доносились мелодичные звуки кото. Я чувствовал себя счастливым.

Правда, буквально на следующий день после моего приезда пронесся тайфун «Аньес», и в городе два дня подряд лил проливной дождь. Казалось, было почти невозможно дышать тяжелым, пропитанным влагой воздухом. Но скоро настала хорошая погода. Не было женщины, которая бы, проходя по улице, не подарила самой любезной улыбкой варвара-иностранца. Эти маленькие японки с непроницаемыми лицами всегда казались мне вполне довольными жизнью. И все же я не мог забыть, что в 1945 году над Хиросимой взорвалась атомная бомба.

Я сел в поезд на Хиросиму с вокзала в Киото. Картина была обычной для всех японских вокзалов: платформы буквально кишели людьми, крики их сливались с непрерывным шумом громкоговорителей. Мужчины были без пиджаков, в рубашках ослеплей. Мужчины были без пиджаков, в рубашках ослеплей. Мужчины были без пиджаков, в рубашках ослеплей. Было уже 12 сентября, однако питательной белизны. Было уже 12 сентября, однако термометр показывал в тени 25 градусов выше нуля.

«Ее глаза» — вторая новелла из сборника Ива Гэндона «Лотос, выросший из грязи». Первая новелла — «Азра» опубликована в журнале «Азия и Африка сегодня», № 1 за 1965 год.

10 Поезд должен был отправляться в 19 часов 10 минут.

Я люблю путешествовать по железным дорогам Японии. Мне нравится строгое соблюдение дорожного расписания, умелое обслуживание пассажира. Невидимый диктор рассказывал туристам о достопримечательностях города, который они собирались осмотреть. Официантки вагона-ресторана в платьях темно-зеленого цвета, белых передниках и таких же наколках суетились, как трудолюбивые пчелы. И, наконец, в какой еще стране, кроме страны Восходящего солнца, можно найти в туалете завернутую в целлофан свежую розу?

Ночь наступила быстро, и я не смог больше любоваться никогда не надоедавшими мне поэтическими видами японской деревни с ее зелеными шарами кустарника, старательно посаженного строго по линейке, чайными кустами и полями риса, где крестьяне в больших конических шляпах работали, согнувшись над влажными молодыми побегами нежно-зеленого цвета, и где ветер шевелил хвостами сказочных драконов, на которых походили огородные пугала. Урожай собирали в октябре, и каждое зернышко риса представляло ценность в этой перенаселенной стране.

Место рядом со мной занял японец в золотых очках. Сколько ему было лет? Для людей Запада лицо японца от тридцати до шестидесяти лет кажется совершенно одинаковым. Этот человек был хорошо одет и держался с большим достоинством. Он довольно чисто говорил по-английски, и скоро между нами завязался разговор. Я рассказал, что еду в Хиросиму, японец, в свою очередь, сообщил, что он живет в Нагасаки. Затем он сказал:

— Вы едете на место преступления?

Этот вопрос не удивил меня. Каждый японец, с которым мне приходилось разговаривать, обязательно спрашивал о моем отношении к трагедии в Хиросиме. Мой собеседник произнес свой вопрос спокойным тоном, как будто речь шла о погоде. В ответ я только кивнул головой, и он сказал:

— Это хорошо. Значит, вы против?

Я снова кивнул. Казалось, он вздохнул с облегчением и продолжал:

— Первая бомба была сброшена на Хиросиму 6 августа. 7-го утром я прочитал в «Асахи», что бомба невиданной мощности разрушила город. Я подумал тогда, что газета преувеличивает. 9 августа настала очередь Нагасаки.

Я спросил его, был ли он дома во время взрыва.

— Да, — ответил он, — но я случайно находился в подвале. Когда я поднялся, свою жену я нашел мертвой. Наш город сравнительно легко отделался. В Хиросиме погибло сто тысяч жителей, в том чис-

Рисунок Е. Шуксва

ле тридцать тысяч детей, и почти тридцать тысяч было ранено. У нас в Нагасаки было только сорок тысяч убитых и почти столько же тяжело и легко раненных. К сожалению, раненные во время атомной бомбардировки не выживают, они все равно что мертвые.

Японцы не склонны к гиперболам. Для чего употреблять эпитеты, когда все равно они будут слишком бледны?

— Атомный взрыв имеет забавные свойства, — продолжал мой собеседник. — Бамбук и одежда сгорали на расстоянии трех с половиной километров от места взрыва. Велосипеды, — он улыбнулся, — были сожжены. Даже дубы, которым было по пятьсот лет, горели, как спички. Мне особенно это тяжело: я люблю деревья.

Он вздохнул.

— Вы увидите много удивительных вещей в музее, который мы называем Мемориалом мира. Благодарю за то, что выслушали меня.

Японец закрыл глаза и задремал. У меня же после разговора с ним мороз прошел по коже, и я не мог сомкнуть глаз.

Я прибыл в Хиросиму в два часа ночи. Вокзал был совсем новый, совершенно белый. Дождь только что перестал, и дорога еще блестела. Такси повезло меня по широким улицам, застроенным десяти-двенадцатитажными домами. Огни объявлений ярко светились. «Нью Хиросима отель», где я заказал комнату, предоставлял клиентам комфорт, как в лучших американских отелях. В конце концов я все же заснул.

Было 8 часов 30 минут, когда завывание сирены у двери заставило меня открыть глаза. 8 часов 30 минут. В 8 часов 16 минут 6 августа 1945 года в небе над Хиросимой вспыхнуло атомное солнце. В испуге я прильнул к стеклу. Небо было серым. Лил проливной дождь, и японцы ехали на работу, восседая на велосипедах прямые, как свечи, одной рукой держась за руль, а в другой удерживая раскрытый зонтик. Примерно в трехстах метрах от гостиницы, на мощных бетонных столбах покоилось обширное беловатое здание — Мемориал мира.

Не теряя времени, я приступил к выполнению намеченных на этот день планов. Персонал гостиницы, прекрасно вышколенный, считал, что во вновь построенной Хиросиме проезжего иностранца следовало заинтересовать прежде всего тем, что было примечательного в городе до взрыва проклятого «пикадона» (так называют атомную бомбу японцы). Администратор гостиницы, рассыпаясь в любезностях, старался втолковать мне, что город пользуется известностью благодаря своим лимонам, мандаринам, рисовому вину и устрицам.

— Никто не хочет здесь больше есть устриц, с плантациями лимонов дело тоже обстоит плохо. А это очень жаль.

Он добавил, что главным занятием в городе в счастливые времена было производство зонтиков для защиты от солнца.

— Некоторые видели в этом дурное предзнаменование, потому что форма зонтиков напоминала атомный гриб.

Он с оттенком пренебрежения поднял глаза к небу. Этот приобщившийся к цивилизации служащий не мог, конечно, одобрить такого смешного суеверия.

Утром я посетил Мемориал мира, где среди макетов, диаграмм, остатков сгоревших, расплавленных, сплюснутых и разорванных предметов я увидел ужасающие фотографии человеческих жертв бомбы и понял, что вековые дубы, о которых так жалел мой сосед в поезде, оказались не в самом худшем положении.

Во второй половине дня главный врач центральной больницы показал мне больных, мужчин и женщин, которые с 1945 года подвергаются ежедневной пытке, страдая от открытых, незаживающих ран. В детском приемном центре директор мне сообщил, что за несколько дней до взрыва атомной бомбы дети моложе одиннадцати лет были эвакуированы из Хиросимы и десять тысяч из них сразу сделались сиротами. Уходя от директора, я увидел на улице группы детей, возвращающихся из школы. На шею каждого висел кусочек картона с его именем. Кто знает? Бомба невиданной мощности может обрушиться с неба в момент, когда ее ждут менее всего, и ребенок неожиданно окажется одиноким в этом мире. Лучше, если на всякий случай будет известно его имя, не правда ли?

Вечером, усталый после трудного дня, стремясь разогнать тоску, навеянную тяжелыми впечатлениями, я зашел в одно из многочисленных в Японии заведений, где царит «патинко». Это обычный дешевой автомат, перед которым любители могут проиграть часы, стараясь стальным шариком попасть в надлежащую ямку, чтобы новые шарик, дающие какое-нибудь печенье или новые шарик, по-видимому, право продолжать развлечение от своего детского, мому, испытывают удивительную отвлекает от дум, занятия, которое по крайней мере отвлекает от дум, Не более ли это извинительно здесь, в Хиросиме, чем в каком-либо другом месте?

Ночным поездом мне нужно было возвращаться в Токио. Весь еще во власти пережитого, печальный, я ужинал в ресторане отеля, как вдруг, привлеченный необычным зрелищем, положил палочки, которыми только что взял кусочек сасими¹. За соседним столиком ужинали молодая японка и пожилой, совершенно седой господин с изборожденным морщинами лбом. Она была одета по-европейски, в строгий, английский костюм светло-зеленого цвета. Больше всего меня поразило ее лицо. Как описать эту совершенную красоту: гладкий и нежный овал лица, маленький, но красиво очерченный рот, не приплюснутый, а изящный, как будто вылепленный, нос, нежную и удивительно невинную шею, изящный рисунок ушей! Но все это меркло в сравнении с миндалевидным разрезом ее глаз, окаймленных красиво очерченными ресницами. Глаза были черного цвета и мерцали, как звезды. Было почти невозможно выдержать странный, глубокий взгляд этой девушки.

Я почти тотчас же отвел свой взор и, медленно помешивая в тарелке потерявшую для меня всякий вкус пищу, искал возможности еще и еще раз посмотреть на это чудо. И каждый раз, когда я смотрел на нее, я, к своему удивлению, видел на ее губах любезную улыбку.

Действительно, она ужинала, она ела, подобно всем смертным, но казалось, что с ее стороны это была лишь уступка низменной человеческой природе. С небрежной легкостью она брала свое сасими, даже не взглянув на него. Ее седой спутник часто наклонялся к ней и что-то говорил. Она внимательно слушала и слегка кивала головой в знак одобрения. Наконец я отказался от дальнейшего изучения содержимого своей тарелки. Я больше не чувствовал себя свободным.

Из ресторана я вышел в состоянии экзальтации. Прекрасный образ прогнал осаждавшие меня призраки и вернул мне надежду. Я спросил у служащего, который накануне утром так охотно рассказывал мне о прошлом Хиросимы, знает ли он пожилого господина и девушку. Его лицо выразило глубокое уважение, и он мне ответил, понизив голос:

— Конечно, господин. Это господин Окомото и его дочь, мадемуазель Йоко.

Произнося их имена, он каждый раз кланялся, как бы для того, чтобы выразить им свое уважение.

Мы стояли слишком близко к интересовавшим меня людям, и я не осмелился далее продолжать свои расспросы. Мне нужно было убраться еще два часа, остававшиеся до отхода поезда. Чемоданы были сложены, и я сидел в холле гостиницы в большом кожаном кресле. Через некоторое время в холл вышли господин Окомото и его дочь. Я заметил, что дочь ростом была гораздо выше отца и нежно держала его за руку. Когда они сели, случилось так, что девушка повернулась ко мне спиной, и я мог теперь любоваться только ее затылком, который вполне гармонировал со всем его обликом, и искусно причесанными черными блестящими волосами. Зато мне был прекрасно виден господин Окомото, и я заметил, что он обращался с дочерью с предупредительностью, граничащей с уважением. Уважение — именно это слово правильно передавало их отношения. Вспоминая тон, которым служащий отеля произносил ее имя, я чувствовал, что касаюсь ка-

кой-то тайны, и это еще больше заинтересовало меня.

Час отъезда настал. Прогуливаясь по перрону, я заметил Окомото с дочерью буквально в двух шагах от меня. Наши взгляды встретились, и я, как и прежде, был награжден улыбкой.

Отец первым поднялся в вагон, который — какое счастье! — оказался и моим, и протянул ей руку, чтобы помочь подняться по ступенькам, произнес при этом несколько слов, которые я не расслышал.

Я забыл сказать, что в японских вагонах места расположены по два с каждой стороны, с проходом в центре. Господин Окомото и его дочь сели впереди меня. Йоко — как уже называл я девушку, хотя мне следовало бы стыдиться такой фамильярности, — сидела лицом ко мне. Поезд тронулся глубокой ночью. Полузакрыв глаза, почти целый час я созерцал этот совершенный тип японской красавицы. В тоске я твердил себе, что через несколько часов все будет кончено и я больше никогда не увижу ее. В полночь проводник прошел по вагону и уменьшил свет. Йоко уже закрыла глаза, и я тоже заснул.

Что снилось мне этой ночью? Я ничего не помню, но, наверное, сны мои не были радостными, хотя бы потому, что первый раз я проснулся от того, что мой сосед слегка дергал меня за руку и что-то вполголоса говорил мне. Показав ему знаками, что, к сожалению, я ничего не понимаю, я снова погрузился в сон и снова был разбужен им уже на рассвете. Мой сосед, казалось, был в отчаянии, что не мог объяснить мне, почему он дважды должен был прервать мой сон.

На этот раз я уже не заснул. Мы приближались к Токио, и я смотрел на дочь господина Окомото. Она тоже смотрела на меня, по крайней мере я так думал, и черты ее лица, такие чистые, выражали страх.

Полчаса спустя поезд подошел к вокзалу. Я поднялся и взял свои вещи. Господин Окомото поднялся тоже, взял свою дочь за руку и направился к выходу.

В это время японец, сидевший через проход, подошел ко мне и, поговорив с моим соседом, спросил, понимаю ли я по-английски. Получив утвердительный ответ, он обратился ко мне, по-видимому, чем-то смущенный:

— Уважаемый господин, нужно, чтобы я объяснился с вами. Два раза во сне вы страшно вскрикнули. Вы ехали из Хиросимы, и нам легко понять, что все, что вы там видели, вас потрясло. Однако мадемуазель Окомото, дочь богатого торговца жемчугом, которая ехала в этом же вагоне (вы, наверное, ее заметили) — одна из жертв атомной бомбы. Она потеряла зрение. При каждом вашем крике она просыпалась и кричала так же страшно, как и вы. Дело в том, что она не только ослепла: вся ее нервная система испытала страшное потрясение. Вот почему ваш сосед позволил себе несколько грубо тронуть вас за руку. Он покорнейше просит его извинить.

Йоко слепая! Она уже вышла из вагона и вместе с отцом затерялась в толпе.

Йоко слепая! А такие чудесные глаза!

— Это стеклянные глаза. Вы же знаете, что сейчас делают прекрасные протезы.

Теперь вы понимаете, почему я никогда не забуду эту поездку в Хиросиму?

¹ Сасими — свежемороженая рыба.